

32. Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 151.
33. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1982. Т. 24. С. 263.
34. Там же. С. 239.
35. Там же. Л., 1988. Т. 30, кн. 1. С. 100.
36. Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л., 1981. С. 197–198.

© Жаткин Д. Н.,
© Шешнева Т. Н.
г. Пенза

ТРАДИЦИИ ТВОРЧЕСТВА Г. ГЕЙНЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. К. ТОЛСТОГО

Поэзия, прозаические произведения и эпистолярное наследие А. К. Толстого, находясь в неразрывной связи с немецкой историко-культурной традицией, вступали в тесное соприкосновение с мироощущением поэтов современной Толстому поры. Среди этих разновеликих творцов выделяется фигура романтика Генриха Гейне (Heinrich Heine, 1797–1856).

Толстой практически не цитирует Гейне в письмах, вообще мало упоминает о нем, однако каждое из известных упоминаний заслуживает внимания. В письме жене от 17 ноября 1856 г. А. К. Толстой сообщает: «Я перечел Гейне и нахожу, что он истинный поэт, и поэт замечательный — и чрезвычайно оригинален» [1]. Влияние Гейне на творчество Толстого нашло отражение как в его переводах, так и в использовании некоторых характерных мотивов, а также в наличии реминисценций из Гейне в балладах, юмористических и сатирических произведениях русского поэта.

Среди поэтических произведений Козьмы Пруткова, в которых автором или соавтором выступал А. К. Толстой, известно четыре стихотворения, навеянных произведениями Гейне и подражаниями ему русских литераторов. Это стихотворения «Из Гейне» («Вянет лист, проходит лето...»; <1854>), «(Подражание Гейне)» («На взморье, у самой заставы...»; <1854>), «Из Гейне» («Фриц Вагнер, студюзуз из Иены...»; <1854>) и «Память прошлого (Как будто из Гейне)» (<1860>).

Следует отметить наличие во всех четырех «гейневских» стихотворениях Козьмы Пруткова общего фона немецких историко-культурных традиций. Например, стихотворение «(Подражание Гейне)» («На взморье, у самой заставы...») открывается романтическими образами, свойственными поэзии Гейне: «На взморье, у самой заставы, // Я видел большой огород...» В трактовках гейневского наследия русскими переводчиками можно встретить сходные строки припоминания прошедшего, передающегося настоящим временем. Так, перевод стихотворения «Афронтенбург» из книги Гейне «Стихотворения 1853 и 1854 гг.», выполненный В. В. Левином, содержит припоминание давних событий: «Прошли года! Но замок тот // Еще до сей поры мне снится. // Я вижу башню пред собой, // Я вижу слуг дрожащих

лица» [2]. Кроме того, у Козьмы Пруткова огородник, «лениво проходящий меж гряд», характеризуется угрюмостью «пасмурного взгляда», глубокими беспричинными вздохами. В менталитете русского человека того времени данная характеристика более всего соответствовала сосредоточенным и чрезмерно серьезным представителям европейской цивилизации, главным образом немецкой нации.

В стихотворении «Из Гейне» («Фриц Вагнер, студьозус из Иены...») Козьма Прутков в лице своих авторов вновь иронично обыгрывает особенности немецкой ментальности. Стремясь передать немецкую национальную специфику и используя для этого специальные средства, Козьма Прутков знакомит читателей с Фрицем Вагнером и Иеронимусом Кохом, первый из которых (он «логике славно учился») является студьозусом из Иены, а второй (тот «искусно чертил») — студьозусом из Бонна, — двух крупных университетских городов Германии.

Можно отметить переключку стихотворения «Из Гейне» («Фриц Вагнер, студьозус из Иены...») с одним из сочинений немецкого поэта. Цикл стихотворений «Северное море» (1825–1826), входящий в «Книгу песен» Гейне, содержит поэтическое размышление автора «В гавани», в котором упомянуты некие Ганс и Гегель: «В кружке видно мне все: // Судьбы народов, древних и новых, // Ганс и Гегель, турок и грек...» (современный перевод С. Ошерова [3]). Как установлено, речь здесь идет об Э. Гансе, известном философе-гегельянце и правовове, товарище Гейне, и о самом Г.-В.-Ф. Гегеле, создателе собственной идеалистической системы философии [4]. Исходя из сказанного, можно предполагать, что авторы стихотворения «Из Гейне» («Фриц Вагнер, студьозус из Иены...»), будучи хорошо знакомы с гейневским творчеством, нарочито включили в свое повествование имена двух знаменитых героев-немцев, уподобляясь Гейне с его Гансом и Гегелем.

Среди прочих переключек стихов А. К. Толстого с творчеством Г. Гейне также следует обратить внимание на трактовку гейневского нестандартизованного словосочетания в сатирическом стихотворении русского писателя «Бунт в Ватикане» (февраль-март 1864 г.). Словосочетание, открывающее гейневское стихотворение «Кричат, негодуя, кастраты...» из цикла «Возвращение на родину» (1823–1824) «Книги песен», переведенное, в частности, С. Я. Маршаком [5], целенаправленно используется Толстым в его сатирическом произведении, начинающемся фразой «Взбунтовались кастраты...» и завершающемся таким описанием: «И пищат кастраты хором // Вплоть ad finem seculorum!...»

Следующим стихотворением А. К. Толстого, представленным под псевдонимом Козьмы Пруткова и имеющим отношение к Г. Гейне, является «Память прошлого (Как будто из Гейне)». Наполненное незатейливым юмором («Помню я тебя ребенком, — // Скоро будет сорок лет!») стихотворение пародирует недалеких последователей Гейне в России, тех, для кого, по наблюдению Н. А. Добролюбова, «сущность поэзии Гейне <...> состояла в том, чтобы сказать с рифмами какую-нибудь бессвязицу о тоске, любви и ветре» [6].

Начальные строки стихотворения «Память прошлого (Как будто из Гейне)» содержат мотив многих ранних произведений немецкого поэта, в которых он размышляет о детстве, об ушедших в прошлое невинных забавах. В этой связи можно назвать, в частности, стихотворение из цикла «Возвращение на родину» (1823–1824) «Книги песен»: «Мы были совсем еще дети, // Нам нравилось поутру // Забраться в старый курятник, // В соломе затеять игру» (современный перевод Р. Дубровкина [7]). Однако А. К. Толстой, как мы отчасти уже видели выше, по-своему прочитывал такие гейневские строки и несомненно ерничал, весело иронизировал над автором стихотворения и его почитателями.

Дальнейшее действие стихотворения Толстого концентрируется на предмете дамского туалета, за счет чего гиперболизируются подробности описания женского платья, которые так свойственны Гейне. Например, в осуществленном А. Н. Майковым переводе гейневского стихотворения «Ты быстро шла, но предо мною...» его герой наслаждается накидкой, скрывающей хрупкое женское тело и маленькие ножки: «К чему ловить мне было белый, // По ветру бившийся покров? // А эти маленькие ножки... // К чему искал я их следов?» [8]. А. К. Толстой, словно отвечая на эти и подобные им красивые описания Гейне, предлагал читателям под именем Козьмы Пруtkова такую сюжетную оценку: «Твой передничек измятый, // Твой затянутый корсет // <...> // Ты сказала мне тайком: // “Распусти корсет мне сзади, — // Не могу я бегать в нем!” // <...> // Весь исполненный волненья, // Я корсет твой развязал...»

В стихотворении «Из Гейне» («Вянет лист, проходит лето...»), опубликованном под именем Козьмы Пруtkова, А. К. Толстой предстал в качестве смеющегося трагика, оперирующего сентенциями, близкими к черному юмору.

Несмотря на тревожное ощущение тоски, оптимистическое сознание поэта оставляет место и для иронической оценки самого себя, своего положения и состояния, и для доброго, незатейливого юмора. При этом снова на первый план выходит Г. Гейне с его задумчиво-грустным элегизмом, произведение Толстого открывается такими стихами: «Вянет лист, проходит лето, // Иней серебрится...»

Можно провести параллель между стихотворением Толстого «Из Гейне» («Вянет лист, проходит лето...») и более ранним произведением Гейне «Das Fräulein stand am Meere...» (книга «Новые стихотворения», 1828–1844). Хотя стихотворения в содержательном плане и отличаются друг от друга, можно заметить, что каждое из них состоит из двух четверостиший с перекрестной рифмой, причем за первой строфой, описывающей пессимистическое состояние главных героев, следует вторая, содержащая авторское обращение к ним.

Если в русском тексте главным героем является мужчина, носящий «немецко-гейневскую» фамилию: «Юнкер Шмидт из пистолета // Хочет застрелиться», то в немецком — юная женщина: «Das Fräulein stand am Meere // Und seufzte lang und bang, // Es rührte sie so sehr // Der Sonnenuntergang». Г. Гейне избирает для утверждения неперменного возвращения в новом качестве

всего, казалось бы, навсегда ушедшего, образ Солнца: «Mein Fräulein! sein Sie munter, // Das ist ein altes Stück; // Hier vorne geht sie unter // Und kehrt von hinten zurück», — и здесь, как и в русском стихотворении в случае с «юнкером Шмидтом», обнаруживается анафония, обусловленная одностольностью размещения слова «das Fräulein». Используя удачную гейневскую находку, А. К. Толстой в своем стихотворении несколько меняет основу метонимии, — у него спиралевидное движение всего сущего происходит вместе со сменой времен года: «Погоди, безумный! снова // Зелень оживится... // <...> // Лето возвратится».

Кроме стихотворений Козьмы Пруткова, в которых А. К. Толстой в юмористической манере переосмыслил наследие Г. Гейне, существуют и другие произведения русского писателя, имеющие явные переклички с творчеством немецкого классика, — это стихотворения «Мудрость жизни» (вторая половина 1870 г.) и «Порой веселой мая...» (июнь <?> 1871 г.). В них, используя мотивы гейневских произведений, Толстой-юморист уступает место Толстому-сатирику. В качестве тематической и композиционной основы стихотворения «Мудрость жизни» А. К. Толстой взял мотивы гейневского «Доброго совета» («Guter Rat») из книги «Стихотворения» (1853–1854).

Отказываясь от непосредственной передачи смысла стихов Гейне, Толстой однако сохраняет перекрестную рифму, а также метр и размер, характерный четырехстопный хорей. Вместе с тем в произведении Толстого можно видеть стилистические и лексические реминисценции — преобладание императивов и использование определенных слов и выражений из «Доброго совета» Г. Гейне.

Размышления Гейне, ориентирующие читателя на серьезное отношение к звучащему слову («Rede gut von einem Fürsten, // Und nicht schlecht von einer Frau»), реализовались у Толстого в форму призыва к необходимому речевому воздержанию: «Будь всегда душой обеда, // Не брани чужие щи». Эти же русские стихи перекликаются с другой строфой из произведения Гейне: «Hat versalzen dir die Suppe // Deine Frau, bezähm die Wut, // Sag ihr lächelnd: „Süße Puppe, // Alles, was du kochst, ist gut“».

Ернические размышления о женщинах, выраженные Толстым в стихотворении «Мудрость жизни», навеяны процитированными выше стихами Гейне о недопустимости осуждения женщины: «Восхищаяся соседкой, // По груди ее не гладь // И не смей ее салфеткой // Потный лоб свой отирать»; «Не зови за куст умильно // Дочерей на пару слов // И с племянницы насильно // Не тащи ее чулков» и др.

Гейневские мысли по поводу необязательности ласкового обращения к родственникам жены («Küsse deine Schwiegermutter, // Denkst du gleich: „Hol euch die Pest“») шутливо интерпретированы А. К. Толстым и даже обретают у него обратный смысл: «Не проси у тещи тряпки // Для обтирки сапогов // И не спрашивай у бабки, // Много ль есть у ней зубов?»; «Помни теток именины, // Чти в кузинах благодать // И не вздумай без причины // Их под мышки щекотать».

В стихах Толстого «Будь настойчив в правом споре, // В пустяках уступ-

чив будь...» можно видеть отдаленную переключку с ироничными гейневскими строками: «Fühlst du irgendwo ein Jücken, // Kratze dich als Ehrenmann; // Wenn dich deine Schuhe drücken, // Nun, so zieh Pantoffeln an». В данном случае шуточные стихи Гейне звучат у Толстого более серьезно, побуждают к раздумьям о сущности бытия. И все же гейневскому «духу» более подходят те стихи Толстого, в которых говорится об обыденных «гигиенических» проблемах человека, например: «Руки мой себе, пожалуй, // Мыла ж на ноги не трать»; «Замарав штаны малиной // <...> // Их сымать не смей в гостиной» и др.

С другой стороны, стихам А. К. Толстого «Будь настойчив в правом споре, // В пустяках уступчив будь...» также могут в содержательном плане соответствовать строки Г. Гейне: «...Werbe keck und fordre laut, // Und man wird sich dir bequemen, // Und du führst heim die Braut».

Ярким образцом своеобразного прочтения А. К. Толстым небольшого фрагмента обширного творческого наследия Г. Гейне является использование в сатирическом стихотворении «Порой веселой мая...» мотивов предисловия к французскому изданию книги «Лютеция» («Lutetia», 1840–1847), включающей статьи о политике, искусстве и народной жизни.

Г. Гейне так выражает в указанном предисловии свою тревогу относительно устройства будущего мира: «Действительно только с отвращением и ужасом думаю я о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут власти: грубыми руками они беспощадно разобьют все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они уничтожат все те фантастические игрушки и безделушки искусства, которые так любил поэт» [9].

Отметим, что гейневское упоминание о «мрачных иконоборцах», пришедших силой подчинить себе мир, созвучно стихотворению Толстого «Против течения» (<1867>) [10], сопровождаемому исторической отсылкой «в дни Византии»: «В приступах ярых на Божии обители, // Дерзко ругаясь святые нагробленной, // Так же кричали икон истребители...»

Насыщая стихотворение «Порой веселой мая...» образами гейневской «Лютеции», А. К. Толстой вместе с тем стремился к выражению собственных мыслей. Если у Гейне мы встречаем следующее описание прихода к власти «победоносного пролетариата»: «...они опустошат мои лавровые рощи и посадят там картофель» [11], то Толстым та же мысль выражена насмешливо и даже «разухабисто»: «Но этот сад цветущий // Засеют скоро репой!» Стихи Толстого «Но соловьев, о лада, // Скорее истребить // За бесполезность надо» восходят к строкам Гейне, подразумевающим под соловьями творческих людей, — «соловьи, эти бесполезные певцы, будут изгнаны...» [12].

Скорбные размышления Гейне о скорой гибели цветочного сада («...лили, которые не трудились и не пряли, а все же одевались так, как не одевался и царь Соломон во славе своей, будут вырваны из почвы общества, если только не захотят взять в руки веретено; розы, эти праздные невесты соловьев подвергнутся такой же участи» [3, т. 6, с. 10]) иронично интерпретированы Толстым в поэтической форме: «Но сад испортить надо //

Затем, что он цветочный! // <...> // Кусты те вырвать надо // Со всеми их корнями, // Индеек здесь, о лада, // Хотят кормить червями.

Рассмотрев юмористические стихи А. К. Толстого, навеянные мотивами гейневской поэтики, остановимся теперь на «серьезной» лирике русского поэта, обусловленной традициями творчества Г. Гейне, — исторической балладе «Князь Ростислав» (1840-е) и стихотворении «И у меня был край родной когда-то...» (1856 <?>).

«Князь Ростислав» А. К. Толстого является вариацией на тему стихотворения «Король Гаральд Гарфагар» («König Harald Harfagar») из книги «Новые стихотворения» (1828–1844) Г. Гейне и содержит много семантических и стилистических переключений с ним. Так, поверженный воин у Толстого «лежит на дне речном» и при этом «Днепра подводные красы // Лобзаться любят с ним», — трагический герой более раннего произведения Гейне находится в пучине моря («sitzt unten in Meeresgründen»), где испытывает сходные ощущения: «Der Königs Haupt liegt auf dem Schoß // Der holden Frau...»

В тексте обоих стихотворений присутствуют указания на то, что их герои провели в водном заточении достаточно длительный период времени. Так, Гейне уточняет: «Die Jahre kommen und schwinden»; «Zweihundert Jahre dauert schon // Sein seliges Verderben». Кроме того, о длительности пребывания под водой свидетельствует описание физического состояния Гаральда: «Sein goldnes Haar ward silbergrau, // Es treten die Backenknochen // Gespenstisch hervor aus dem gelben Gesicht, // Der Leib ist welk und gebrochen». А. К. Толстой, как бы вторя своему предшественнику, упоминает, что с момента гибели Ростислава прошло не менее года: «Увы! Его жена, // Прождав напрасно целый год, // С другим обручена». О том, что в водной стихии герой стихотворения «Князь Ростислав» находится довольно долго, можно судить и по состоянию его щита: «И он, склонясь на ржавый щит, // <...> // В кругу русалок юных спит».

Кроме того, герои сопоставляемых произведений порой испытывают пробуждение от тяжелого сна: «Manchmal aus seinem Liebestraum // Wird er plötzlich aufgeschüttelt» — у Гейне, «...Тогда, от сна на дне речном // Внезапно пробудясь, // Очами мутными кругом // Взирает бедный князь» — у Толстого. Причиной пробуждения в обоих случаях служат бурные волнения на поверхности вод, вызываемые внешними силами. Однако если у Гейне мысль передана с помощью введения мотива неожиданного прилива: «Denn droben stürmt so wild die Flut...», то Толстой привлекает к пробуждению героя древнерусских языческих богов: «Когда же на берег Посвист // Седые волны мчит, // В лесу кружится желтый лист, // Ярься, Перун гремит».

Утрата надежды на то, что кто-нибудь услышит или найдет погибшего ратника, становится одним из основных мотивов в произведениях двух поэтов, однако у Гейне главный герой лишь опускает руки («Er hebt die Arme mit freudiger Hast, // Läßt traurig sie wieder fallen»), тогда как у Толстого князь обреченно расслабляет все тело: «И он, склонясь на ржавый щит, // Опять тяжелым сном // В кругу русалок юных спит // Один на дне речном...»

К числу наиболее лиричных поэтических сочинений А. К. Толстого принадлежит стихотворение «И у меня был край родной когда-то...» (1856 <?>),

написанное по мотивам «Ich hatte einst ein schönes Vaterland...» Г. Гейне, представляющего собой третью часть стихотворения «На чужбине» (книга «Новые стихотворения», 1828–1844).

Общая направленность двух стихотворений, посвященных ностальгическим воспоминаниям авторов о прошедшей юности, о милой сердцу далекой родине, нашла концентрированное выражение уже в первом стихе: «Ich hatte ein schönes Vaterland» — у Гейне, «И у меня был край родной когда-то» — у Толстого.

Картины, созданные И.-В. Гете и Г. Гейне, пробуждали у Толстого идентичный поэтический отклик, обусловленный тоской по отчизне, оставшейся где-то вдаль: «Я помню дом и пестрые узоры // Вокруг окон, // Под тенью лип душистых разговоры — // Все это сон!» Подобные бытовые зарисовки, выполненные Толстым, в частности, близки стилистике Гейне: «Ich hatte einst ein schönes Vaterland. // Der Eichenbaum // Wuchs dort so hoch, die Veilchen nickten sanft. // Es war ein Traum» («Ich hatte einst ein schönes Vaterland...»).

Неприятие окружающей действительности побудило лирического героя Толстого отождествлять ее с чужбиной: «Летучий ветер, неси ж родному краю, // Неси поклон; // В чужбине век я праздно доживаю — // Все было сон!» Неизбежное ограничение внутренней свободы не может быть устранено по воле автора, как нельзя повлиять на что-то эфемерное, что сродни сновидению, — именно этим объясняется перенос одинаковой по общей семантике концовки двух четверостиший Г. Гейне («Es war ein Traum») во все строфы стихотворения А. К. Толстого: «Все это сон!»; «Все было сон!».

Словно вступая в диалог с Гейне, использующим атрибуты родной речи для приближения читателя к пониманию авторского замысла («Das küßte mich auf deutsch, und sprach auf deutsch // (Man glaubt es kaum, // Wie gut es klang) das Wort: "Ich liebe dich!" // Es war ein Traum») А. К. Толстой насыщает текст русизмами, зарисовками родной природы, призванными свидетельствовать об исконно национальных корнях его поэзии: «И у меня был край родной когда-то; // Со всех сторон // Синела степь; на ней белели хаты — // Все это сон!»

Проведя сравнительный анализ произведений Г. Гейне и стихотворений А. К. Толстого, написанных под их влиянием, необходимо отметить, что традиции творчества немецкого писателя нашли существенное отражение в литературном наследии русского романтика. Связь немецкой и русской культур, прослеживаемая на протяжении всего пути литературной деятельности А. К. Толстого, получила в восприятии традиций гейневских произведений реальное подтверждение.

Примечания

1. Толстой А. К. О литературе и искусстве. М., 1986. С. 70.
2. Гейне Г. Стихотворения. М., 1985. С. 236.
3. Там же. С. 74.
4. Там же. С. 301.
5. Там же. С. 37–38.
6. Цит. по: Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1969. Т. 1. С. 654.
7. Гейне Г. Стихотворения. М., 1985. С. 29–30.

8. Там же. С. 96.
9. *Гейне Г.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1981–1983. Т. 6. С. 10.
10. См.: *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 36.
11. *Гейне Г.* Собр. соч. Т. 6. С. 10.
12. Там же.

© Жаткин Д. Н.
© Яшина Т. А.
г. Пенза

ТРАДИЦИИ ТВОРЧЕСТВА ТОМАСА МУРА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1820–1830-х гг.

Появлению в 1822 г. в «Благонамеренном» А. Е. Измайлова первой статьи о Томасе Муре, содержавшей характерное сближение ирландского барда с Байроном и Вальтером Скоттом [1], предшествовали суждения, сохранившиеся в частной переписке деятелей русской культуры. Например, находясь на дипломатической службе в Лондоне, Д. Н. Блудов сообщал И. И. Дмитриеву в письме от 25 марта (6 апреля) 1820 г., что «ирландцы с упорством и запальчивостью ставят всех выше своего земляка Мура», которого можно назвать «ирландским Батюшковым» и определенным образом сблизить с англичанином Байроном и шотландцем В. Скоттом [2]. О Муре Д. Н. Блудов услышал сразу по прибытии в Лондон на должность советника посольства в 1818 г., однако первоначально воспринимал его прежде всего как автора анакреонтических стихотворений, мастера эротической лирики, что отразилось, в частности, в его письме В. А. Жуковскому, датированном августом 1818 г.

В сознании С. И. Муравьева-Апостола Мур также сближался с Байроном и, более того, воспринимался в качестве последовательного сторонника тенденций обновления окружающего мира, усилившихся в поэзии благодаря революционным событиям во Франции. Осознание «высокого назначения человека», побудившее поэзию стать более гражданственной, «мужественной», вызвало появление «Байронов и Муров» [3].

Восприятие декабристами Мура в качестве гражданского поэта стало вполне традиционным, о чем можно судить по «Воспоминаниям о Рылееве» Н. А. Бестужева, известного своим переводом третьей вставной стихотворной поэмы «The Fire-Worshippers» из «Лалла Рук». Цитируя одно из самых известных стихотворений К. Ф. Рылеева «Гражданин» («К молодому поколению»), Н. А. Бестужев делает пафосное замечание: «Кто не скажет, что это стихотворение может стать наряду с лучшими ирландскими мелодиями Мура?» [4]. Тем самым Н. А. Бестужев сближает произведения английского и русского поэтов, имеющие характерное гражданское звучание.

Вместе с тем характерное сближение Байрона и Томаса Мура на основе гражданственности их лирики, в существенной мере повлиявшей на движение декабристов в России, было свойственно далеко не всем представителям российских литературных кругов. В переведенной Л. Крестовцевым